

Печать

Старший писатель земли русской, Вас. Ив. Немирович-Данченко, делится с читателями «Сегодня» своими личными воспоминаниями о Некрасове, Щедри и Достоевском.

Характеристика Некрасова и его душевной двойственности (двуликий Янус) особенно интересна.

Поэт и дельец, игрок и редактор, богатый пьвец нищеты, Некрасов для многих был загадкой.

Враги, да сказать правду и друзья, часто обвиняли его (за глаза разумеется) в том, что он играет на вярняка. Либерально оправдывали его заботой о журнале, чисто вымышленным коммунистическим «грабем награбленного». Не знаешь, кто был подлей: люди, близкие к нему, или посторонние. Выросший в старой помещицкой среде, в аду Щедриных гербов, под лай собак, свист арканов, рыдания замученных женщин и бышние крики игроков — Некрасов был человеком великим не укротимых страстей, которому нужен головокружительный риск, опасности, сбивающая с ног ошущения. Где было искать в то время, да еще ему, свя-

занному серьезным и благородным делом таких журналов, как «Современник» сначала и «Отечественные Записки» потом?

Отвodom бунтующей, неукротимой силы и являлся вечером Сельско-хозяйственный клуб, с пыльными состояниями на зеленом сукнѣ, с бойцами на жизнь и на смерть кругом. В этом отношении на моей стороне являлся великий тѣн Тургенева и Достоевского. Иванъ Сергѣевичъ ненавидѣлъ поэта, Федоръ Михайловичъ тоже относился к нему враждебно, со строго-болѣзненною подозрительностью. Но и тотъ и другой негодовали, когда злорадные клеветники въ ихъ лагеряхъ выдвигали противъ Некрасова ставшее балластнымъ отъ частаго повторения обвинение.

Достоевскій считалъ Некрасова «одержимымъ» и говорилъ, что въ нашемъ пѣвцѣ нищеты и крѣпостного крестьянства «сидитъ безпоощадный дьяволъ».

Н. К. Михайловскій тоже считалъ Некрасова совсѣмъ особеннымъ и какъ бы «отдѣльнымъ» человекомъ.

«Нельзя такихъ какъ онъ, — говорилъ Михайловскій, мѣрять обыкновеннымъ аршиномъ».

СТРАШНАЯ ПРАВДА

Коллега — журналист, сотрудник «Правды» любезно вывался быть моимъ чичероне и мы пустились бродить по городу безъ определенного плана дѣйствій, Я сдѣлалъ это умышленно, чтобы увидѣть, что коммунистическая журналистика покажетъ въ Ленинградѣ иностранцу.

Впечатлѣнія, вынесенныя итальянскимъ журналистомъ Куатрини изъ этой «прогулки» исполнены такой драматической силой, такого проникновения въ самую сущность «русскаго несчастья», что врядъ ли хозяева «Правды» обрадуются ихъ опубликованію.

«Мы проходимъ по Невскому проспекту, нѣкогда одной изъ самыхъ красивыхъ въ мірѣ улицъ, съ ея прекрасными витринами магазиновъ, кипучей жизнью соединявшей въ одно прекрасное цѣлое десять бульваровъ Парижа. Теперь дома и магазины еще существуютъ, но лишь немногие изъ нихъ открыты и по большей части это правительственные продовольственные склады. Лишь изрѣдка частный торговецъ робко выставляетъ дешевой товаръ жалкаго вида.

И тутъ съ особенной силой чувствуетъ ся лицо революціи даже черезъ 10 лѣтъ послѣ того, какъ она произошла. Эти окна, съ разбитыми стеклами, грязь, запыленность, а мѣстами жалкія витрины, всякаго хлама — все это создаетъ жуткое впечатлѣніе заброшенности, бѣгства, опустошенія, точно врагъ внезапно атаковалъ и овладелъ городомъ. И походка лица, жесты людей, вся жизнь го рода носитъ тотъ же отпечатокъ. Это — народъ, чувствующій себя во власти врага, задыхающийся подъ его игмомъ».

Гидъ изъ «Правды» привелъ итальянскаго журналиста въ Петропавловскую крѣпость, и обстоятельно воспроизвелъ «мнѣнія политическѣхъ узниковъ при цѣряхъ».

«Я пропросилъ его показать мнѣ современную тюрьму, столь восторженно противопоставленную «аду царей. Ока злось, что такой визитъ невозможенъ, вслѣдствіе обіи «работы» у тюремнаго начальства. Шли массовые аресты». Вслѣдъ за этимъ, совѣтскій проводникъ повезъ г-на Куатрини въ «бывшее Царское Село, а теперь дѣтское царство».

«Каждый день школьники очередной группой выхаживаютъ туда, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Я увидѣлъ такую группу на платформѣ вокзала, въ ожиданіи поѣзда. Источенныя лица, нищенская одежда, дырявая обувь — таковы эти «наслѣдники режима». Я боюсь, что потребуется полвѣка для восстановления народнаго здоровья, ибо сама тяжелая жертва революціи явилась русская дѣтвора. Ихъ участь горше участи разстрѣлянныхъ, умершихъ въ тюрьмахъ, сбитыхъ на нагины. Они истощены до того, что жизнь едва тлеетъ въ этихъ существахъ старческаго вида. Это — старики и старушки; туберкулезъ наложился на нихъ свою страшную печать. Но еще страшнѣе — печать порока и старинной болѣзни. Нуж но побывать въ совѣтской Россіи, что-

бы увидѣть, какъ тысячи дѣтей ежедневно бросаются въ жертву пороку и силфиусу».

Полубоивавшись зрѣлищемъ «наслѣдниковъ режима» Куатрини попалъ во дворецъ.

Полновластный владыка величайшей въ мірѣ имперіи не любилъ пышности, и его вкусы были исполнены скромной простоты. Скромный домъ, простая мебель, фотографія и даже олеографія на стѣнахъ, отсутствіе ковровъ, охотничьи трофеи и поднесенныя крестьянами блюда — бросились мнѣ въ глаза.

Комнаты Великихъ Князей и Наслѣдника настолько скромны, что могли бы сойти за квартиру какого нибудь труженника; попадаетъ мебель изъ некрашеного дерева.

Кватрини описываетъ подробно столынакрытый «для послѣдняго завтрака царскихъ дѣтей», комнаты Императрицы, и отмѣчаетъ «носовой платокъ, брошенный Государыней возлѣ кровати, когда за ней явились».

Многочисленныя иконы въ крошечной комнатѣ, гдѣ Императрица обычно молилась, письменный столъ Государя съ книгами: «Парижская Коммуна», «Les secrets du Vol» съ закладкой на 184 страницѣ.

«Апартаменты Наслѣдника состоятъ изъ трехъ комнатъ: спальни, дѣтской и учебной комнаты. Въ дѣтской мы увидѣли все то, что бываеъ обычно въ комнатахъ дѣтей — принесенные изъ парка камни, оловянные солдатки, игрушечные броненосцы, автомобиль, большая качающаяся лошадь, медвѣдь, куклики.

Взоръ иностранца увидѣлъ и другое. «А эти миниатюрныя полковничьи формы разныхъ полковъ Россіи — висѣющія въ рядъ съ блестящими эполетами, каждая съ парой бѣлыхъ перчатокъ, фуражкой и маленькой саблей. Они тоже ждуть».

«Большевики сдѣлали огромную оплошность, не уничтоживши ни оставленнаго второпяхъ Шаріей платка, ни завтракъ на столѣ дѣтей. Но самымъ большимъ промахомъ было оставить въ комнатѣ Наслѣдника всѣ эти дѣтскіе мундиры. Ихъ большевики должны были сжечь заодно съ маленькимъ тѣломъ, незримо присутствующимъ, точно ощущаемымъ, оживающимъ въ стѣнахъ дѣтской. Ежедневно множество людей присѣдаетъ дворцѣ, и власти всачески поощряютъ эти «визиты». Но всѣ испытываютъ тѣ же чувства, что и я; пафосъ двора говоритъ ихъ душамъ — и такъ же какъ и я, они въ глубокомъ молчаніи смотрятъ, и поспѣшно удаляются, не оборачиваясь».

Въ этомъ сопоставленіи погибающихъ отъ голода и болѣзней дѣтей Россіи и тѣни Наслѣдника заключенъ едва ли не самый безпоощадный приговоръ совѣтской власти. Услужливый «коллега изъ «Правды» исполнилъ свою миссію отлично, и итальянскому журналисту довелось увидѣть страшную правду о Россіи.

Алѣмъ.

ЭМБЛЕМЫ СОВ. ВЛАСТИ

Рис. Mad'a

Серпъ и молотъ становятся опасными.

Русскія радио-воскресенія

Наряду съ концертами русскихъ артистовъ и концертнымъ исполненіемъ русскихъ оперъ, въ Парижѣ, параллельно развиваются русскіе концерты другого, современнаго типа — это русскіе камерные радио-концерты, устраиваемые генераломъ И. В. Горленко. Эти концерты пользуются большимъ вниманіемъ французской и иностранной публики, такъ какъ дають возможность имѣющимъ аппараты радио Л. Л. (Ленонъ-Леви), легко знакомиться съ нашей русской камерной музыкой всѣхъ жанровъ.

За истекшій годъ существованія такихъ концертовъ, устроено уже болѣе двадцати «камерныхъ воскресеній» (не считая 58 «русскихъ вторниковъ» на радио Эффелевой башни, при прежней дирекціи). Центральными номерами программъ явились восемнадцать струнныхъ квартетовъ и три трио выдающихся русскихъ композиторовъ. Для успѣшнаго веденія столь сложнаго дѣла г. Горленко

удалось привлечь къ участию въ этихъ вечерахъ, около полсотни вокальныхъ и инструментальныхъ артистовъ и организовать всевозможные камерные ансамбли, хоры, вокальные квартеты, трио фортепьянные, и наконецъ, имѣющие особый характеръ струнный квартетъ, возглавляемый петербургскимъ скрипачемъ В. Г. Вальтеромъ. Въ составѣ этого квартета: г-жа Мантейфель (вторая скрипка), И. Петровъ (альт) и Я. Винницкій (виолончель).

О характерѣ программъ можно судить хотя бы по предстоящимъ къ исполненію 5 и 19 февраля. Въ нихъ имѣются квартеты Арцыбушева, Чайковскаго, Тапѣева и Глазунова, старая русскія пѣсни въ исполненіи вокальнаго квартета, рядъ фортепьянныхъ пьесъ Лядова, Рахманинова, Прокофьева, Скриябина, въ исполненіи г-жи Брайниной и Э. Жанны, скрипичныя пьесы въ исполненіи Г. Голембы, романсы и арии Чайковскаго, Бородина, въ исполненіи Ф. Риччѣ, Шумова и др.

„Бой“ въ Ровно

Предвыборная кампанія въ Польшѣ развивается горячо. «Единый русскій списокъ» завоевываетъ все большія симпатіи, какъ среди русскаго населенія, такъ среди украинцевъ и бѣлоруссовъ. «Ширые украинцы — по сообщенію виднаго «Утра» — мобилизуютъ всѣ свои силы. Имъ даже сбиты особые «боевые отряды», которые коючатъ съ митинга на митингъ, чтобы мѣшать ораторамъ-русскимъ».

Такъ было и въ Ровно. «Боевые отряды» все время прерывали рѣчь русскаго кандидата Серебрякова провокаторскими криками:

— Просимъ говорить по украинску. Тутъ россияне нема.

Часть «боевиковъ» выводитъ полиція. Но вотъ подымается на трибуну самъ «словенный атоманъ» «ширихъ», батько Волянецъ.

Чуть ли не съ ножомъ за голенищемъ «батько» вступилъ и началъ возводить поклони на русскій народъ подъ крики зала:

— Брехня! Ложь!

Докторъ Н. Н. Прохоровъ выступилъ вслѣдъ за «батькой».

Рѣчь его была коротка, но, говоря вульгарно, «сногшибательна». Бѣдный Волянецъ стоялъ, ухватившись за ножъ, и не зная, рѣзать ему доктора или нѣтъ. Однако, убоился.

— Когда говорилъ Волянецъ — слышалъ я справа крикъ: «брешеша», а слѣва: «вреша». А я такъ думаю, что Волянецъ и вралъ и брехалъ, все вмѣстѣ. Сейчасъ онъ говорилъ о вѣчной ненависти между

украинцами и русскими и отсутствіи возможности соглашенія между ними. А я вамъ скажу, что Волянецъ вреть.

Ибо не такъ давно, годъ два тому назадъ, заболѣлъ атаманъ Оскилко, близкій другомъ и пріятелемъ котораго былъ Волянецъ. И вотъ, прілетѣвъ за мною панъ Волянецъ, прося похѣвъ въ село Городокъ къ Оскилку. Всю дорогу, хотя его никто за языкъ не тянулъ, панъ Волянецъ то и дѣлалъ, что говорилъ мнѣ о томъ, что рознь между украинцами и русскими это недоразумѣніе, что такъ не должно быть, что такъ не будетъ, что русскіе и украинцы, это одно и то же.

Когда же Волянецъ говорилъ правду? А я вамъ скажу, что если онъ мнѣ вралъ неадекватно, то при васъ, всѣхъ онъ вралъ здѣсь и подано...

Буря аплодисментовъ привѣтствовала окончательный провалъ «словнаго атомана», Волянца, который чернымъ ходомъ убѣжалъ изъ зала...

Аукционъ.

На прошлой недѣлѣ состоялся довольно значительный аукционъ стараго фаянса. Наиболее интереснымъ номеромъ каталога являлось прекрасное испано-мавританское блюдо XVI вѣка, украшенное четырьмя выпуклыми розетками на фонѣ порцеляномъ дѣланнымъ орнаментомъ, съ прекрасными металлическими отливками. На оборотѣ его также имѣлась розетка и рядъ концентрическихъ круговъ. Это рѣдкое блюдо — было оценено въ 40.000 фр. и пошло за 48.500. Отмѣтимъ, кромѣ того, де рваную (сильно реставрированную) статуэтку XVI в., которая сдѣлана 5500 фр. большой медальонъ, горельефомъ мастера дѣла Роббиа проданный за 5500 фр.

Афиши

Афиши — зеркало города. Вся суета столетія, всѣ стремленія ея, всѣ помыслы, вся жажда — въ афишахъ. Для будущаго историка пресловутая афиша колычоня фабрики Канторовича будетъ наиболее краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ объ «инфляціонной» Германіи, а афиши Мосельпрома самымъ убѣдительнымъ разсказомъ о нравахъ и вкусахъ совѣтской Россіи.

Парижъ, двадцатыхъ годовъ двадцатыхъ столѣтія, историкъ будетъ изучать по афишамъ Кассандра и Колена.

Въ своей прекрасной написанной, весьма интересной и весьма несправедливой брошюрѣ объ «Итогахъ современной жизни» С. К. Маковскій объявляетъ гибелью искусства возвращеніе къ «примитивизму», къ исканіямъ тайны. «Какой страшный конецъ — пишетъ онъ — этотъ поворотъ назадъ! эти перероботанныя бурмотанія, это заклинаніе духовъ». С. К. Маковскій приходитъ въ ужасъ отъ чертей и вѣдьмъ, отъ идоловъ и косматыхъ чудовищъ, отъ полугоговъ-полузвѣрей, причудливо пляшущихъ и неустойчиво вьющихся на стѣнахъ современныхъ столетій, подъ лягзъ и многообразный стоиъ машинъ, подъ гулъ многоликой и таинственной толпы. Спору нѣтъ: пріятнѣе гораздо краткій ликъ Медонны, крохатая живопись мастеровъ Ренессанса. Но мы безсилы — безсилы повернуть чудовищное колесо вспять, безсилы отогнать навязчивый сонъ, безсилы разорубить узелъ, въ который неразлучно сплелись прекрасное и страшное, страхъ и жажда, смѣхъ и голодъ, Божество и зло.

И вотъ — стали улицы Парижа звѣрищемъ, стали Олимпомъ новыхъ боговъ.

Отъ «сухой» кубастики, отъ простой игры линиями и формами, давнымъ давно уже перешла французская афиша къ творенію новыхъ легендъ. Дамскій чулокъ, шелковый нѣжный, похожимъ сталъ на королевскую доль съ синими глазами, тонкими пальцами и блестящими куларями. На афишѣ фабрики письменныхъ принадлежностей — громадный бѣлый конь неудержимо несеть витая въ колъ чугъ; драконъ хочетъ вѣшиться въ колы, но заноситъ витязъ надъ страшнѣйшемъ свой мечъ — вѣчно перо «Байяръ», всего 65 франковъ.

А вотъ еще афиша Кассандра для фирмъ «Sools» жуткій, призрачный, черныя зѣны съ огромнымъ бѣлымъ глазомъ-монотомомъ. Вотъ афиша «Норъ Экспрессъ», въ вѣчно голубое небо вторгаются дерзко блестящая сталь и густой дымъ, искры и похоть — все отчаяннѣе, весь порывъ, современной Европы. Вотъ афиша Карлю для «Mod Savon», судорожно сжатый, огненно-красный кулакъ, кулакъ баргова Люцифера или алчущаго крови гунна; въ кулакѣ злѣмъ

Новыя пріобрѣтенія Лувра

Въ пятнадцатомъ залѣ картиннаго галлерей Лувра выставлены картины, пріобрѣтенныя музеемъ — путемъ ли пожертвованія, завѣщанія, или купли — за 1927 годъ. Среди нихъ есть прекрасныя произведенія старыхъ мастеровъ и замѣчательныя картины французскихъ живописцевъ XIX вѣка. Тѣ и нынѣ, какъ нельзя лучше пополняютъ, огромное, но не слишкомъ систематически, составленное собрание.

«Семейный портретъ» Арта (или Арента) де Гельдера и «Цыганскій пиръ» Алессандро Маньяско — картины художниковъ, до сихъ поръ не представленныхъ въ музеѣ. Артъ де Гельдеръ — весьма любопытный мастеръ, единственныи по имени известныи намъ ученикъ старога Рембранта, отнынѣ будетъ знакомъ посетителямъ Лувра и, разъ узнавъ его, они позабудутъ не такъ скоро его пріятельскій и необычный холстъ. Картина Маньяско не относится къ лучшимъ вещамъ этого недавно только открытаго художника, итальянскаго XVIII вѣка, но она дастъ о его странной манерѣ и всегда вольнолюбивомъ воображеніи, все же, достаточное представление. Интересно, еще автопортретъ испанца XVIII вѣка, Луиса Мелендеса, фрагментъ Поклоненія Пастырей Боутса и два незавершенныхъ портретныхъ эскиза нѣ мекаго XVI вѣка.

всего лишь маленькій прозрачный, трогательный кусочекъ мыла; вотъ афиша автомобильныхъ заводовъ — машины живы, онѣ фырчатъ, паравозиваютъ тяжелою огонь и дымъ, машины сейчасъ покажутся грозно; вотъ афиша для пьесы «Magia» (Колена) — женщина съ истощеннымъ лицомъ и горящими глазами, женщина страждущая и любящая, проститутка изъ паршиваго кабака и вѣчная Дѣва; вотъ деревянные и каменные чурбаны, которымъ поклонялись когда то пещерные люди и которые рекламируютъ теперь бѣльевой магазинъ; вотъ афиша цирка — хоровадь чертей и чертенятъ, хвостатыхъ, рогатыхъ, синихъ, розовыхъ, бурныхъ; вотъ афиша курорта — зелено-бѣлый вихрь надъ зеркальнымъ моремъ; вотъ афиша виннаго магазина — зябучая паста, красноватый паръ, лоснящаяся губы; вотъ афиша магазина игрушечнаго. Котъ въ сапогахъ ухмыляется лукаво и протягиваетъ вамъ коробку таинственныхъ конфетъ. Вотъ — великое столпотвореніе, всемирный «pic-nic», новая Мифологія.

По городу ходятъ странныя легенды. Въ часъ ночи, когда замираетъ метро, вздрагиваютъ нервно уличные фонари; въ часъ ночи, когда Любовь взбуревается стремительно по крутымъ и погруженнымъ въ тѣму лѣстницамъ маленькихъ отелей, въ часъ ночи, когда безпокойно поперезываетъ Сена на каменномъ своемъ ложѣ, и въ мертвый сонъ погружается «Кафѣ де ля Пэ», въ часъ ночи, говорятъ, оживаютъ на своихъ афишахъ, въ пустыхъ коридорахъ подземной желѣзной дороги, оживаютъ и начинаютъ говорить зеленые и красные люди, люди-духи безъ плоти, безъ костей. Гонить ихъ сердитый вѣтеръ по линиямъ метрополитана — отъ Портъ С.-Клу до Шоссе д'Антенъ (линія ном. 8), отъ Портъ Виллетъ до Палэ Рояль (линія ном. 9).

Медленно скользятъ они вдоль влажныхъ стѣнъ, зорко глядявцаются въ темноту и не дышатъ. На Оперѣ встрѣчаются духи. Говорятъ смѣются. Отъ смѣха ихъ трясется гулко рѣшетки метро и хватаются испуганно за свои карманы прохожие на площади — маленькіе, цивилизованные, мятые человечки.

«Въ духовъ вѣрили всѣ большіе поэты: Шелли, Блэкъ Болдеръ, Владимиръ Соловьевъ. Понадобилась война, понадобилось выростаніе новой мистики изъ мертваго «старога кубизма», понадобились восторгъ и бредъ новыхъ художниковъ, чтобы задумались о «духахъ» буржнчные люди, тѣ кто разумомъ своимъ распоряжаются, какъ своими галстуками, стягиваютъ его, имъ управляютъ».

«Сторожъ станціи Опера подаетъ, по слухамъ, префекту жалобу на парижскихъ рисовальщиковъ, творенія коихъ мѣшаютъ ему мирно спать».

М. Костровъ.

Изъ французовъ прошлаго столѣтія, особенно заслуживаетъ вниманія, кромѣ портретнаго наброска, и этюдъ къ Анжеликѣ Энгра (двухъ раннихъ портретовъ Дега (изъ коихъ одинъ — автопортретъ), пожертвованныи американской собирательницей, г-жей Хавемейеръ, знаменитый портретъ Клемансо кисти Мане. Онъ весь выдержанъ въ черномъ и сѣромъ, причѣмъ использованы для этого эффекта густые усы и брови модели, а также съ особой виртуозностью обозначены черныя пятна глазъ. Портретъ этотъ будетъ прекраснымъ дополненіемъ къ не слишкомъ многочисленнымъ работамъ Мане, имѣющимся въ Луврѣ.

Кромѣ всего этого, въ XV залѣ выставлены еще портретъ монахини Рембранта, временно находящійся въ Парижѣ и принадлежачій музею эльзаскаго города Эпиналя. Это дневны холстъ, полный глубокой жизни и великой одухотворенности. Онъ написанъ въ старости художника, около 1660 года.

Къ сожалѣнію, картина, весьма плохо сохранившаяся, подверглась (для чего ее привезли въ Парижъ) самой варварской изъ реставрацій. Она покрыта блестящимъ лакомъ, мѣшающимъ ее видѣть и совершенно искажающимъ ея тона.

В. В.

О „народности“ Пушкина

Въ коротенькомъ разсказѣ Ив. Бунина («Божье древо»), напечатанномъ въ послѣдней книгѣ «Современныхъ Записокъ», есть любопытное мѣсто:

«Впрочемъ, съ Пушкина-то и началась, — говоритъ Бунинъ, — утрата народности въ нашемъ языкѣ. Державинъ, Батюшковъ писали и говорили еще по-русски: беремя (бремя), кочетъ (пѣтухъ), не пущать, разсерчать испужаться, рушникъ и ширинка (полотенце), выхоръ (вихрь)».

Выраженное въ такой формѣ утвержденіе это — не совсѣмъ вѣрно. Оно невѣрно прежде всего хронологическое, ибо то расслепленіе русскаго языка, на которое Бунинъ указываетъ, началось не съ Пушкина, а гораздо раньше. Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе Бунина лишній разъ подтверждаетъ его необыкновенную чуткость къ языку: да, именно Пушкинъ, этотъ будто бы наиболѣе «народный» изъ нашихъ поэтовъ, который самъ о себѣ утверждалъ, что онъ учился русскому языку «у московскихъ просвиренъ», — въ очень большой степени содѣйствовалъ расслепленію этого языка.

Пушкинъ былъ не «народнымъ», а национальнымъ нашимъ поэтомъ, наиболѣе национальнымъ изъ нихъ, и дѣйствительный смыслъ его подвига именно и заключается въ утверженіи примата «национальнаго» передъ «народнымъ» (въ смыслѣ «племеннаго»). Этимъ утверженіемъ «национальнаго» полонъ внутренней пафосъ всего пушкинскаго творчества — вспомнимъ хотя бы ни на минуту не покидавшую его мысль о Петрѣ. И это же «утвержденіе национальнаго» сказало въ немъ — даже вопреки господствовавшимъ въ его время «романтическимъ» стремленіямъ (которымъ онъ и самъ платилъ дань) — и въ отношеніи языка. Противоположность между этническимъ и национальнымъ красною нитью проходитъ черезъ всю историю Россіи и черезъ все ея существо, лучше сказать составляетъ главнѣйшее ихъ содержаніе. И эта противоположность не могла не найтн своего выраженія и въ языкѣ. Отмѣченная Бунинымъ «сутрата народности» въ русскій языкъ, его, такъ сказать, дегенерация, его отрывъ отъ племенной почвы и духовное его вознесеніе именно и означаютъ национализацию языка.

2.

Не съ Пушкина начался этотъ отрывъ стъ этноса — въ самомъ языкѣ. Да и въ свою эпоху не одинъ Пушкинъ служилъ дѣлу его национализаци. Дѣло это началось еще съ никоновскаго исправленія церковныхъ книгъ, не только оживившаго стихію церковно-славянскаго языка, но (что не менѣе важно) внесша въ Москву этотъ языкъ въ его «кѣвской редакціи».

Этотъ вопросъ превосходно разработанъ кн. Н. С. Трубецкимъ, и ему же принадлежитъ данный терминъ. Но исправленіе книгъ было далеко не единственнымъ путемъ, которымъ западно-русскія (и отчасти польскія) стихіи вливались въ стихію русскаго языка, не только дополняли ее, но и переиначивая. Измѣнялись не одинъ словарь, структура фразы синтаксисъ, а самый духъ языка. Въ такомъ-то состояніи обрѣтался языкъ, когда Петръ начиналъ постройку русскаго языка. Въ то время русскаго языка, въ сущности, не было. Были развалины стараго московскаго языка и матеріалы для созданія новаго. Но Имперія была бы не Имперіей, русскаго языка не оказалось бы русскаго языка, если бы Петръ не добавилъ къ этимъ матеріаламъ, творя свое европейское созданіе, и матеріаловъ евро-

пейскихъ, т. е. западно-европейскихъ. Такъ вошелъ въ русскій языкъ калѣдоскопъ нѣмецкихъ, шведскихъ и голландскихъ словъ и оборотовъ и съ ними вмѣстѣ западно-европейскій «духъ». Такъ возникъ петровскій стиль... Для насъ этотъ языкъ звучитъ убійственно. Да онъ дѣйствительно и былъ убійственнѣе: еще бражка, а не спиртъ. Но, хотя все въ немъ еще бродило, былъ уже и спиртъ, крѣпкій, 95-градусный спиртъ Имперіи. Многое специфически-петровское (какъ и многое отъ кѣвской академіи) осталось въ бражкѣ. Но выдѣляющийся изъ нея спиртъ сохранился: непосредственный языкъ уже черезъ дватри десятилѣтія величаво зазвучалъ въ одахъ Ломоносова и Державина въ нашей великолѣпной «великой трагедіи».

Это не былъ еще разговорный русскій языкъ. Не только Ломоносовъ, но и Державинъ — въ этомъ Бунинъ опять таки правъ — еще говорили «по-русски». Немного «по-русски» говорили (когда они говорили по-русски) даже и наши бабушки. Но тѣмъ не менѣе созданная Петромъ имперскаго языка была имѣть и свой национальный языкъ, т. е. языкъ разговорный. И дѣйствительно: около литературнаго (въ тѣсномъ смыслѣ слова) языка образовался, какъ бы въ видѣ его сколка, т. е. по его образцу и подобию, нашъ нацио-

нальный разговорный языкъ. И созданію этого-то национальнаго языка и послужили, т. е. тѣмъ самымъ, что они создавали литературный языкъ, всѣ писатели нашей «Великой эпохи», болѣе всѣхъ — Карамзинъ и Пушкинъ.

Что бы ни утверждали о «народности», т. е. этнизмѣ, пушкинскаго языка, и Пушкинъ является въ основномъ своемъ существѣ поэта т. е. «дѣлателя» — и при томъ не только «образовъ», но и самаго языка — лишь однимъ изъ звеньевъ наиболѣе блестящихъ, длинной цѣпи, намѣченной мною выше: непрерывной цѣпи анти-этническихъ воздѣйствій на языкъ. Онъ отнюдь не прерываетъ этой традиціи — традиція была прервана уже послѣ него. Напротивъ, Пушкинъ вводитъ «национальное», т. е. въ нашихъ историческихъ условіяхъ неизбежно европейское и, стало быть, анти-этническое, — въ самую плоть и кровь языка. Мнѣ же пришлось однажды отмѣтить на этихъ столбцахъ анти-этнический уклонъ Пушкина, столь ярко выраженный напр., въ «Лѣтписи села Горьхова». Но, насколько не претендуя на званіе «пушкинца», я отчетливо чувствую этотъ уклонъ и въ пушкинскомъ языкѣ, тотъ самый уклонъ, на который указалъ Бунинъ.

Я отнюдь не отрицаю, что въ языкѣ Пушкина, какъ и вообще во всемъ его

творчествѣ, есть также и иная струя; будто и противоположныя тѣмъ, которая отмѣтилъ Бунинъ. «Отдавая честь» (честь ироническую) классицизму, Пушкинъ, какъ я сказалъ, не могъ не отдавать чести — и уже не иронической, ибо она была невольной — главному кумиру своего времени, т. е. романтизму. Отсюда и его увлеченіе «Пѣснями западныхъ славянъ». И было бы даже странно, если бы у него не было вѣкторнаго увлеченія или, по крайней мѣрѣ, исканія въ томъ же основномъ направленіи его эпохи и въ области окружающей его русской этнической стихіи. Но спрашивается: не есть ли это увлеченіе, эти исканія, вся эта «народность» поэзи Пушкина, — только faux air?

3.

Утверждали, что весь секретъ обаянія пушкинскаго рѣчи и вообще вся сущность его «реформы» — въ томъ именно, что онъ сталъ писать попросту на современномъ ему русскомъ разговорномъ языкѣ. Но это не вѣрно, невѣрно прежде всего потому, что современники Пушкина вовсе не говорили на

Ватикан о соединении Церквей

Извращение антикоммунистической борьбы

Работа Коминтерна на Балканах

СОБРАНИЕ «МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО БЮРО»

Однимнадцатого января 1928 года, в тот самый день, когда в Ламбетском дворце собрался англиканский синод для пересмотра и решения многих вопросов, волнующих современную английскую религиозную общественность, в этот самый день папой Пием XI была издана новая энциклика «De vera religione unitate foveanda» («о поддержке истинного единства исповеданий»). Энциклика эта имеет очень большое значение для общей постановки вопроса о соединении Церквей и позволяет нам с большой точностью определить взгляды и желания Рима и высказать, насколько взгляды эти совпадают с воззрениями Православной Церкви. Надо отметить, что нынешний папа является сторонником идеи единства; уже несколько лет тому назад в булле «Ubi arcano Dei» он подчеркнул свои симпатии к тем принципам, которые были провозглашены папой Львом XIII в его знаменитых буллах «Orientalium dignitas» и «Christi nomen».

Судя по сообщениям из Ватикана, издание этой новой энциклики вызвано двумя обстоятельствами: во-первых, теперешним особо-выгодным положением римской Церкви, а во-вторых, тем, что многие из духовных вождей английских «диссидентов» в течение последнего времени особо-настойчиво пытаются найти пути примирения с ватиканской курией.

Особо выгодное положение римской Церкви обуславливается тем, что после русской революции начался постепенный ослабление той боковой православных церквей, который был создан усилиями русского синода, следствием чего явилось то, что среди православного духовенства балканских государств значительно усилилось тяготение к сближению с Западом.

Однако, главным побуждением к изданию этой энциклики было недавнее посещение Рима вождем филокалотической церкви движения в англиканской Церкви лорда Галифаксом, который, посетив пятилетние переговоры с кардиналом Мерсье и архиепископом кентерберийским, намерялся найти в Риме удобную почву для между-церковного соглашения. Ожидания его не оправдались: он не был принят папой и был допущен только на общую аудиенцию. Отвратом на его посещение и является новая энциклика.

В кратком предисловии папа упрекает сторонников так называемого «спиритизмского движения» в том, что они современную идею сближения народов пытаются перенести в область церковных дел. Простое соглашение в духе «всехристианства» оставило бы нерешенными все основные спорные догматические вопросы. Поэтому папа отвергает попытки создать какое-то новое христианство без догматов, своеобразную школу морали, и полагает, что эта мысль подрывала бы все основы католической Церкви, которая не может признать все религиозные исповедания «единоково добрыми и похвальными».

Основанием подлинного церковного единства не может быть случайное человеческое соглашение, а лишь то откровение, кое было явлено Богом миру посредством пророков, Иисуса Христа и апостолов.

Далее папа говорит, что основные догматы, в особенности примать святого Петра и его преемников, должны быть так же неприкосновенными, как неприкосновенна и сама католическая Церковь.

Не может быть принимаемо во внимание никакое общественное движение, которое пыталось бы передать пап высшее руководство и надзор над всеми все-христианскими объединениями: людская воля переменчива, а единство во Христа должно быть основано на воле самого Бога, воле неизменной и прочной. «Существует только один, — так кончается энциклика, — церковный униянистический тезис: безусловное воздержание отпадения в лоно римской Церкви, управляемой наместником Спасителя, матери и корня всего христианства».

Итак, в этой энциклике папа отрицает за католическими англиканами какую либо равноправность в церковных делах.

Очень характерно это провозглашение себя «епископом всех епископов» и утверждение, что католическая Церковь является не сестрой, а матерью всех Церквей. Сознательно и предумышленно отменяются все протестантские Церкви; поэтому очевидно, что в Англии и Америке увеличится течение противников Рима. Панхристианское же движение не будет ни уничтожено, ни ослаблено, скорее наоборот — оно усилится, т. е. непримиримость католицизма заставит его искать сближения с Православием и еще теснее сплотится в совместной попытке вновь обрести утраченное чувство вселенского братства.

Теперь посмотрим, какое значение имеет новая энциклика в вопросе о сближении Православной и Католической Церквей? В одном нельзя не согласиться с Ватиканом: догматы имеют существенное значение, и нельзя к церковному единению подходить с теми же упрощенными приемами, с которыми подходить к единению политическому. Эту же мысль в свое время на Лозанском съезде отмечала провозглашенная в лиц митр. Евлогия и отца С. Булгакова.

Для православия, свято чтущего свои догматы, будущая вселенская Церковь не может представляться в формах какой-то конфедерации или лиги церквей, созданной по образу и подобию Лиги Наций. В этом отношении, повторяем, энциклика может быть приветствуема каждым православным.

Но нельзя не опасаться того, чтобы, по-иному поговорив, не было извращено, вместе с водой, выплеснуть и ребенка, — т. е. чтобы законсервированное отношение к делу Соединения Церквей не превратилось в бездушный ригоризм и «слово души», а вместе с «панхристианством» не было оставлено и иринистический подход к познанию друг друга.

Итак, англиканам Рим указывает единственный путь: переход в католичество, конверсию. В отношении же Православной Церкви подобное требование не может иметь места, т. е. в ней существует бесспорная преэминенция и наличие законно-установленной иерархии, — в этом смысле полная равноправность обеих Церквей Рим до сих пор не оспаривает и оспаривать не может. Но все же на практике могут быть попытки истолковать новую энциклику в духе необходимости увеличить количество обращений и усилить пропаганду. Попытки в этом направлении воздвигать на православных могут несомненно иметь место и поэтому нужна особая осторожность со стороны пастырей и осмотрительность со стороны мирян.

Валерий Вилянский.

«Большое закрытое собрание международного политического Бюро. Тема — «Коммунистический заговор и преступления Чека».

Битком набитый зал Сосетэ Саванта. Ожидавших попасть на собрание противников III Интернационала, противников революции, без различия партий сплотившихся под лозунгом «коммунизм — вот враг», ожидало разочарование.

Собрание было не столько антикоммунистическим, сколько антиреспубликанским, антисенским и антипарламентским.

Международное политическое бюро основано в 1923 г. С тех пор оно как бы заглохло. Нынче оно снова пытается проявить свою деятельность. Официально оно ставит своей целью борьбу с революцией, устройство по всему свету конференций для обличения преступлений большевиков, организацию сопротивления коммунизму. По словам руководителей бюро оно располагает уже 1.000 корреспондентами в Европе.

Во главе бюро, философствующий публицист Жань Эрнтье и журналист Анри д-Оливье и Армань Бернардини — руководители нерегулярно появляющегося сборника «Ревю дю Сьекль». Бюро состоит преимущественно из роялистов, проликущих учениями Морраса, и потому, без оснований, многие считают его филиальным отделением «Аксюан Франсез», с которым Лига по каким-то соображениям не желает быть внешне связанной.

Надо сказать, что формально бюро принадлежит к своей среде умиротворенных республиканцев и бонапартистов.

На трибуны молодые люди. В их устах построения «учителя» теряют свою строгость, свою ценность, упрощаются до последних предель.

В зал много русских. Главари наших крайних-правых заняли правую часть первого ряда. Всею упоминаем о «спросках жидо-масонов» вызывает среди них бурю восторга и аплодисментов. Позади стола президиума в кожаной куртке расхаживает улыбающийся Н. М. Полежаев.

При всей кажущейся простоте этой темы, в действительности она является весьма сложной, как сложна и своеобразна сейчас вся жизнь советской России. Отрицательная роль советской школы не подлежит сомнению. Она духовно обезкровливает, обездушивает детей, отравляя их анти-религиозным ядом. Положение учителей в правовом и материальном отношении ужасно. Школьные здания грязны и полуразрушены, часто без окон, в них холодно и неуютно. Детский организм не справляется с физическими работами, которая на него взымаются в школе, об этом уже заговорили и сами большевики.

А с другой стороны советские теоретики педагога, Шацкий, Блонский, Державин, не скрывают своей любви к этой школе. Загадку эту нам трудно понять до конца. Попытались ее проткрыть И. А. Голоский в своем любопытном докладе, прочитанном в заседании кружка «Русского Студ. Христ. Движения» (10, бульвар Монпарнас).

Советская школа не подпадает под нормальный тип школы, с привычными формами она решительно порвала. Система, изучение определенных дисциплин исключены. В школу вводится сама действительная жизнь, и этим стремятся развить интеллектуальную и эмоциональную стороны детского характера. Например, во время урока о мораль мальчик выхватывает синюшку, и провозгласит синюшку на весь класс. Или — учительница входит в класс и застает детей лежачими на животиках и болтающих в воздух ногами. Дети объясняют, что случается ходить по проволокам. В обоих случаях найдено нарушение школьной дисциплины, но для советской школы это самое нарушение служит поводом к использованию его для занятий с детьми.

Советская школа думает попытки, к

Речь философа Эрнтье. Моррас по его мнению, спаситель рода человеческого. Его учение указывает, что есть подлинное зло и подлинный беззаконник.

Зло съезят три Интернационала: крайний — коммунистический, желтый — капиталистический и черный — папистский; церковь — в руках христианских демократов, т. е. таких же предателей, как и все прочие либералы.

Деятельность трех Интернационалов руководит двухголовая критархия: жидо-масоны и Чека (!). С ними-то и следует бороться, ибо они злодое.

Затем, г. Эрнтье принялся восхвалять национализм. Нынешнюю Лигу Наций он называл «железным Вавилоном». Впрочем не всякий национализм благотворен. Так, например, в германском национализме г. Эрнтье усматривает предный мистифицизм.

Г-н д-Оливье предлагал всему миру выбрать между порядком и беспорядком, разумом и глупостью, западом и востоком, под последние он подразумевал: секты, эзотерику и т. д.

Бонапартист Гейрион сказал, между прочим, следующее: «В молодости я полагал, что либералы idioty, нынче я понимаю, что они негодны».

Ораторы представили жестокою критикой коммунизма, но она совершенно потонула в море брани по адресу демократов, парламентариев и т. д. в частности, министра народного просвещения Эррио, одно имя которого вызвало свистки и улюлюканье.

Атмосфера — словно мы не в 1928 г., а в 1924 — в первые месяцы владычества картели.

В заключение следует отметить два момента, по существу наиболее для нас интересных:

- 1) Было сказано: «Против революционного Интернационала надо организовать контр-революционный Интернационал».
- 2) Ораторы торжественно заявили, что 2-го августа 1914 г. началась новая эра в истории человечества. Нынешнее поколение порывает с предыдущим, виновным в войне.

Л. Д. Л.

Сельская школа в СССР

При всей кажущейся простоте этой темы, в действительности она является весьма сложной, как сложна и своеобразна сейчас вся жизнь советской России. Отрицательная роль советской школы не подлежит сомнению. Она духовно обезкровливает, обездушивает детей, отравляя их анти-религиозным ядом. Положение учителей в правовом и материальном отношении ужасно. Школьные здания грязны и полуразрушены, часто без окон, в них холодно и неуютно. Детский организм не справляется с физическими работами, которая на него взымаются в школе, об этом уже заговорили и сами большевики.

А с другой стороны советские теоретики педагога, Шацкий, Блонский, Державин, не скрывают своей любви к этой школе. Загадку эту нам трудно понять до конца. Попытались ее проткрыть И. А. Голоский в своем любопытном докладе, прочитанном в заседании кружка «Русского Студ. Христ. Движения» (10, бульвар Монпарнас).

Советская школа не подпадает под нормальный тип школы, с привычными формами она решительно порвала. Система, изучение определенных дисциплин исключены. В школу вводится сама действительная жизнь, и этим стремятся развить интеллектуальную и эмоциональную стороны детского характера. Например, во время урока о мораль мальчик выхватывает синюшку, и провозгласит синюшку на весь класс. Или — учительница входит в класс и застает детей лежачими на животиках и болтающих в воздух ногами. Дети объясняют, что случается ходить по проволокам. В обоих случаях найдено нарушение школьной дисциплины, но для советской школы это самое нарушение служит поводом к использованию его для занятий с детьми.

Советская школа думает попытки, к чему то небывалому, она все время находит в процесс преобразования, один метод сменяется другим. Учебники издания 1924 года признаны негодными в 1926 году. Сейчас на первом месте встает громадный называющийся «комплексно-проектный метод».

Он заключается в следующем: Школа, тесно слитая с повседневной жизнью, являясь ее продолжением, берет явления в их поток, в их «комплекс». «Проектность» же сказывается в сознательном подходе к жизни. Например, детям дается тема — «Наша местность и растущая в ней растения». Это и будет по терминологии советской школы «комплексом». «Проектно» школьники займутся вопросом выращивания лучших сортов каких-либо ягод, или фруктов? Практически все сводится к тому, что группа в 5-10 детей предварительно разрабатывает проект: выбора посадочного материала, смету расходов и т. д. Затем происходит посадка растений, дети наблюдают момент цветения, условия роста и пр. В других случаях дети превращают сдвигу в салу, улучшают луга. Бывают и совершенно нелюбимые факты. Например, делятся усилия для выращивания таких культур хлбвею которая в данном районе не растут.

С 1925 года наметался некоторый уклон учителяв сторону советской власти. По этому поводу прогнозы для страны могли бы быть страшными. Но налицо теперь новый поворот учителя к старой школе, в ней находят и положительное, намечается синтез старого с новым. Момент расщепления среди учительского персонала происходит, он начинается стойко защищать свои права. Целью всякой подлинной школы является всестороннее развитие личности, для большевиков личность не существует.

С. И.

Из хорошо освещенного источника дана директива окончательно законспирировать и уйти в «подполье». Коминтерном предложено БКП обратиться особое внимание на сближение с земледельческой партией и нти на самую широкую уступку для создания «единого фронта». Соответственно с этим, старший лозунг об образовании советской рабочей-крестьянской власти заменен требованием организации — правительства.

Предложено на первое место выдвигать не интересы рабочих, а болгарских селян. Болгарской коммунистической партии отпущены вновь значительные суммы, и бюджет ее, в большем, чем в 1927 году, раздвиг, утвержден, Московю. Между прочим, отпущено 15 тысяч долларов специально на развитие пропаганды среди «трудной» болгарской интеллигенции.

Работа болгарской коммунистической партии, а также болгарского комсомола, была подробно освещена в докладе видного болгарского коммуниста, Климо ва, сдланном в Москву (ноябрь 1927 года) и встретила со стороны руководителей коминтерна полное одобрение. Особенных похвал удостоился болгарский комсомолю. Отмечалось, как особенно значительное достижение БКП и комсомола, — установление связи с заключенными в тюрьмах болгарскими коммунистами и замена «выбывших» товарищей новыми работниками, проявляющими не только большую энергию, но и вполне удовлетворяющая коминтерну приспособляемостью и гибкостью по поставленным задачам и требованиям политического момента.

К. К.

Покуда работа ведется, по прежнему, через Константинополь, причем пунктами связи являются Салоника (для Македонии), Адрианополь (для Болгарии), а также Афины и Пирей, гд, преимущественно, ведется пропаганда среди миряков всех национальностей. Центром работы в Константинополь — является «Нефтесиндикат».

Среди болгар, работающих в различных советских учреждениях Константинополя, были набраны агенты для пропаганды в Болгарии, но часть их — отказалась туда выехать. Благодаря проискам большевистских «дипломатов», они были арестованы турецкой полицией и посажены в тюрьму.

Кайзер Билль — убийца овцы

В американском городке Маунт-Стерлинг слушается дело по обвинению Кайзера Билля в убийстве и истязании овцы.

Кайзер Билль, по утверждению видного специалиста по уголовным делам штата Кентукки, адвоката Уайта, не может быть осужден. «Суд не имеет права лишить жизни Кайзера Билля. Нет такого закона. И смертная казнь противоречит бы конституциям штата и федерации».

Представитель самоуправления штата от-

вѣтил, что Кайзер Билль обязан искупить свое преступление так же, как и всякой другой убийца.

Кайзер Билль — полицейская собака, принадлежащая г-жи Генри Гей. Хозяйка собаки, крупная помещица штата, готова израсходовать все свое состояние для защиты своего любимца. Г-жа Генри Гей заявляет, что если понадобится, она доведет дело до верховного суда Соед. Штатов.

Животные в кино

Берлинский доктор Мендель изучает характер и степень впечатлительности животных на животных движущимися картинками на экране.

Собаки почти не обращают внимания на картины. Ни сам-бернар, ни сетер, ни овчарка ничем не проявляют своего интереса. Только один молодой фокс-терьер начал лаять, когда увидял человека с собакой.

Зато кошки чрезвычайно впечатлитель-

ны. У большинства шерсть становится дыбом, они поднимают хвост трубой и готовятся к бою, едва замечают на экране собаку.

Гуси, утки, куры и другие птицы тоже почти безучастны. Несколько больше реагирует сова. Мелкие птицы замѣтно боются истребителей и других хищников.

Совершенно безразлично относятся к происходящему на экране — рыбы и пресмыкающиеся.

РАЗРЪШЕНИЕ СПОРА БОКСОМЪ

Французы больше спортсмены. И все чаще всего встрѣтит провинциале спорта в самых неожиданных областях повседневной жизни.

В Булонь, в мѣстном театре, идет какое то обозрение. В одной сцене мѣстный коммерсант, Либорель, усматривает что то оскорбительное для себя. Поэтому, он потребовал от автора обозрѣния, Доку, внести в пьесу соответствующую поправку. Автор отказался. На следующую день Либорель, в сопровождении своих друзей, явился к писателю для объяснения.

В Булонских газетах напечатано следующее извѣщение изъ протокола: «Иррити ки дружественному соглашению не удалось. Г. Либорель вызвал г. Доку на матч бокса и последній, поджентльменски, принял вызов».

Бокс — английскй: 5 схваток по 2 минуты. Боевые перчатки. Поединок назначается на 17 часов, на аренѣ Атлетическаго Клуба 4 февраля. Должны соблюдаться общыя правила английского бокса: арбитр, судья, массажисты и доктор». На поединкѣ должна присутствовать публика».

АФОРИЗМЫ ФРАНКЛИНА

- Не бойся смерти. Чемъ раньше мы умираемъ, темъ дольше будемъ безсмертны.
- Надменность и падагра излѣчиваются рѣдко.
- Король и медвѣди часто безпокоятъ окружающихъ.
- Если ты любишь жизнь, не теряй времени. Ибо время — такъ жизнь.
- Одолжи леньги врагу, и ты можешь иногда приобрести друга. Но если ты одолжишь другу, почти всегда найдешь врага.

ЛЮБОПЫТНЫЯ ЦИФРЫ

— Длина всехъ парижскихъ улицъ, вместе взятыхъ, превышаетъ 1000 километровъ.

— Самое медленно животное, по словамъ нѣмецкаго ученаго Ордаузена, улитка. Она дѣлаетъ не свыше сорока сантиметровъ въ часъ.

— Это же ученый утверждаетъ, что самое быстрое животное — блоха. Если ее врыть ки измѣрять временемъ и расстояниемъ, то легко вычислить, что она дѣлаетъ 275 метровъ въ секунду, т. е. 16.500 метровъ въ минуту и 990 километровъ въ часъ.

Итак, на всехъ этихъ трехъ языкахъ вместе, лишь разное составляя эти смѣсь. Что же касается связи литературнаго языка с народнымъ, то Бунинъ правъ и в томъ отношеии, что эта связь была до Пушкина сильнѣе, а именно Пушкинъ ослабилъ ее. Въ XVIII вѣкѣ народный языкъ, действительно, еще влияя на литературный, напр., в пасторальной поэзии. Въ XIX вѣкѣ, и особенно въ поэзии Пушкина, литературный языкъ, вопреки распространеному мнѣнию, еще в большей степени улачивается, эмансипируется отъ «народнаго». Отзвуки послѣдняго еще слышатся, напр., в дмитриевскомъ — «Стонетъ сныи голубочекъ, Стонетъ онъ и день и ночь...» но ихъ совсѣмъ уже нѣтъ в пушкинскомъ — «Ды береговъ отчизны дальней Ты покидала край чужой...» Неужели эти двѣ пьесы не написаны — яустъ и словами, взятыми изъ одного и того же «русскаго» языка, но, въ сущности, на двухъ совсѣмъ различныхъ языкахъ?

Для пояснения напомнимъ хотя бы то различие, которое Шлегель устанавливаетъ между Mitteilungsprache и Ausdrucksprache. Такъ вотъ: наши литературный и народный языки различны именно своимъ Ausdrucks-омъ,

т. е. различна в нихъ выразительность, самый существенный моментъ языка.

Все это, конечно, не значитъ, что Пушкинъ не писалъ наѣвременно (и подчеркнуто) народныхъ стиховъ. Нѣтъ, писалъ и въ нихъ конечно былъ «народенъ». Но в томъ-то и дѣло, что дмитриевскій «Голубочекъ» вовсе не написанъ въ наѣвременно-народныхъ тонахъ! Онъ произвольнo, самъ собою вышлетъ «народнымъ», въ немъ нѣтъ никакой «стилизации». Въ «народныхъ» вы пѣсаетъ Пушкина всегда есть извѣстнаго рода стилизация...

4.

Когда Пушкинъ трактовалъ «народныя» темы, онъ вводилъ, естественно, въ свою рѣчь элементы «народнаго» языка. Но это вовсе не значитъ, что его собственный языкъ вдохновлялся народнымъ языкомъ. Языкъ Пушкина, повторю, вообще не вдохновлялся разговорнымъ языкомъ: ни простонароднымъ, ни языкомъ той среды, въ которой онъ жилъ. Наоборотъ, Пушкинъ самъ создавалъ разговорный языкъ того посвященнаго круга, къ которому онъ принадлежалъ, создавая темъ самымъ, что выковывалъ и полировалъ литературный языкъ.

Отношеия Пушкина къ «народному» въ языкѣ было, какъ мнѣ кажется,

двойственнымъ. Романтическій уклонъ его эпохи несомнѣнно подталкивалъ его къ «народности». Но этому, вызванному, такъ сказать, «теорией» уклону противостоитъ тотъ огромный слогун на совершенно котораго онъ былъ поставленъ историческою судьбой. Невольникъ — въ извѣстной степени — романтизма — онъ былъ въ значительно большей степени невольникомъ дѣла Петрова. Такимъ образомъ, народно-этническая линия романтизма своеобразно переплелась въ немъ съ имперсональной линией. Но никакъ нельзя сомнѣваться, что настоящей его линией, глубоко запечатлѣнной во всемъ его творчествѣ (и разумъ и языкъ), была именно эта вторая, имперсонально-национальная линия, ведущая къ полному и окончательному отрыву отъ этноса. Оттого-то онъ и «стилизовалъ» по-народному на народный ладъ свой языкъ, но уже не могъ, какъ еще могли его предшественники, придавать органическую «народность» своему собственному языку.

Романтическая теорія «тайниковъ народного духа» послала Пушкина идти на выучку къ «московскимъ провинциаламъ». Но спрашивается: многому ли онъ научился отъ нихъ? Развѣ «народныя» всегда приползая, всегда величавая, всегда готовая обернуться торжественнымъ гимномъ — сила и выразительность его языка? Развѣ не поистинѣ рыцарскій — этотъ отважный и великодушный и вместе съ тѣмъ оточенный какъ острое шпаги, блестящий алмазныи языкъ? Да и вообще, развѣ не отсутствовать въ пушкинскомъ языкѣ положительную всѣ характеристическяя природная черта русскаго этноса? И сама божественная простота этого языка — развѣ есть простота простонародная?... Пушкинъ могъ замисловывать отдельные слова и обороты изъ народного языка. Но эти слова и обороты ни въ какой мѣрѣ не заражали его. Напротивъ, попадая въ его языкъ, они сейчас же начинали звучать иначе. И не «народныи» у Пушкина ни строй рѣчи, ни построение фразы, ни словорасположеніе, — то, что можно назвать «физиономіей» языка. Поистинѣ, античная выразительность Пушкина безконечно далека отъ русскаго этноса.

Къ заимствованиямъ изъ простонароднаго языка, и то весьма немногочисленнымъ, отдельнымъ стариннымъ словомъ и выраженіемъ и сводится, какъ мнѣ кажется, вся «народность» пушкинскій рѣчи. Пушкинъ, какъ справедливо указалъ Бунинъ, гораздо больше вывелъ изъ литературнаго обихода такихъ старинныхъ народныхъ словъ,

чемъ вывелъ ихъ въ него. Да и что можетъ доказать введение народныхъ архаизмовъ? Развѣ не любитъ архаизмы Карамзинъ, тотъ славный Карамзинъ, который десятками пересаживалъ въ нашъ языкъ точныи этимологическяя копій французскихъ и нѣмецкихъ словъ?

И еще можно спросить: подчитаны ли обратные заимствования Пушкина, — его галлицизмы?

5.

Я менѣ всего вѣрю въ пользу и убѣдительность подобнаго подсчета. Дѣло не въ нихъ, а въ общей «физиономіи» языка, въ его, такъ сказать, «закалѣ» и душѣ...

Я хорошо понимаю, что проверить это впечатлѣніе на примѣрахъ отдельныхъ пушкинскихъ стихотворений чрезвычайно трудно. Отдельными стихами ничего не докажешь... И все-таки, въ заключеніе, я сошлюсь на пришедшую мнѣ на память строфу изъ «Онѣгина»:

Мой секундантъ? спросилъ Евгений.
Вотъ онъ: мой другъ, товарищъ
Гильо;

Я не предвику возраженій
На представленіе мое...

И это писалъ русскій «народный» поэтъ? Это писалъ поэтъ, который

увелъ «народное» въ русскій литературный языкъ? Ничего болѣе далекаго отъ «народнаго» по тону, складу и строю рѣчи, по всей ее метафизикѣ а самымъ звукамъ, нельзя себѣ и представить. Но о духѣ послѣднихъ стихахъ этой строфы можно сказать даже болѣе того: въ нихъ чувствуется не только Имперія и ея западная напряженность, но и какая-то чисто галльская «нахохленность»... Мнѣ возражать, что эти слова говоритъ не Пушкинъ, а Онѣгинъ, говорить тѣмъ стилемъ, которымъ поэтъ и долженъ былъ заставить говорить своего героя. Пустая слова! Въ томъ-то и дѣло, что въ рѣчахъ Онѣгина у Пушкина нѣтъ никакой «стилизации», а въ «стрекотныхъ бѣлобокой» или, скажемъ, въ «Сказкѣ о рыбацкѣ и рыбкѣ» — она есть. Съ Онѣгинымъ Пушкинъ прожилъ года и не только выносилъ его, но и внесъ его въ нашъ языкъ, во всю русскую национальную стихию.

Въ «Онѣгинѣ», въ известномъ смѣслѣ — весь Пушкинъ. И вместе съ тѣмъ, не только «Онѣгинъ» (романъ), но и Онѣгинъ безъ ковычекъ, его мысль и ощущение, а значитъ и каждое произнесенное имъ слово, — есть часть нашей национальнои души, часть нашей национальнои стихии.

Александръ Салтыковъ